

Новая Польша 11/2014

0: ЛЮБОВЬ И БРЕЖНЕВ

— **Вы счастливчик. Разъезжаете по Польше и всему миру, сделав из этого тему для литературы.**

— Так сложилось, что моя жизнь стала моей профессией. Простите, но отчаиваться из-за этого я не собираюсь. На катушку у меня в мозгу постоянно наматываются пейзажи, люди, мнения, впечатления. Я стараюсь, чтобы то, что я вижу и слышу, проникало глубже. Чтобы прошивало навывлет. Люблю, когда это потом проявляется в неожиданный момент. Как утром в Борисоглебске. Мужики идут на работу, автобусы из парка выезжают, а я вижу, как отец учит свою дочурку ездить на велосипеде. В глубине России такой укол в сердце... Ведь я свою Тоську так этому и не научил. Терпения не хватило. Друзья ее учили.

Или в городе Ош в Кыргызстане, в детском парке со старинной каруселью, каких даже в польских парках уже нет. Взрослые и дети, с десятков тысяч людей, стреляют по воздушным шарикам, едят сахарную вату, проверяют силу своих ударов. Цивилизация слишком утонченных удовольствий или развлечений еще туда не добралась. Взволновал меня этот город и эти люди, вспомнились приуроченные к храмовым праздникам народные гуляния у моих деда и бабки в Грудеке. Я во второй раз вошел в ту же реку, хоть эта река и текла в Кыргызстане. Это чудесные моменты. Ведь ради них и путешествуешь. Ради звуков. Ради образов. Ради запахов.

— **Вы тоскуете по временам социализма?**

— Вы спрашиваете, не страдаю ли я коммуноностальгией?! Еще люди слышат.

— **Ну, вы написали книгу о коммунизме. Очень личную и тем самым довольно, я бы сказала, ностальгическую.**

— Я пытаюсь соединить картинки детства с картинками далеких стран, которые мне в какой-то степени напоминают это детство. Да, я езжу на восток, чтобы взглянуть на свое детство, увидеть, во что превращается коммунизм, ведь я его дитя. Мне это нужно. Кроме всего прочего, там просто красиво. В Европе такого нет. У меня сдвиг на почве пространства и бесконечности. Я религиозная натура, а тамошние пространства — это какой-то субститут абсолюта. Невозможно себе представить, как мир может быть таким большим и едва задетым цивилизацией. Словно сразу после сотворения.

— **Проверяете, какой судьбы мы избежали?**

— Мы хотим вычеркнуть эту судьбу, удалить, стереть. Признать не существовавшей. Это сбивает с пути. Обнуляет нам память. Я предпочитаю знать, из чего мы выбрались и чего избежали.

Я отправляюсь в страну, в тени которой рос, и чувствую, что есть в ней какая-то неоднозначная сексапильность. Страх и влечение. Только не надо делать из меня русофила лишь потому, что я выбиваюсь из нарратива презрения и агрессии. Кроме того, видно, что там происходят вещи во всех отношениях интересные. Боже мой, эти автоэротические байки о «конце истории». Мы хотели вычеркнуть, депилировать, дезодорировать прошлое, которого мы стыдимся, а тут, пожалуйста: вот оно, за порогом, на Украине, прошлое в измененном, сегодняшнем облике.

Между прочим, я никогда не видел в своих краях столько автомобилей с российскими номерами. Россияне возвращаются из отпусков и, похоже, боятся ехать через Украину. Предпочитают через Словакию и Польшу, а это ведь враг. Но как-то же надо возвращаться на эту родину.

— **В детстве Россия — это был «отстой». Откуда это у нас?**

— Не сразу. Вначале были прекрасно изданные сказки. «Конек-горбунок» и «О рыбаке и золотой рыбке». Помню последнюю иллюстрацию — бабка, сидящая над разбитым корытом. Кстати говоря, довольно пророческая картинка, если взглянуть на постсовременность... Сказки принимались без отторжения, но потом появились телевизоры, а в них трансляции съездов КПСС. Невозмутимые зомби Косыгина, Громыко, Брежнева. Безжизненные говорящие камни вместо мультиков или вестернов — так выглядел в глазах ребенка Советский Союз.

— **Мрачный, тяжелый и хамский, по вашему замечанию.**

— Для ребенка просто ужасно скучный. Так же как эмалированные красные звезды с лицом Ленина. Мы коллекционировали металлические значки, но этого хлама никто не хотел. У меня была одна-две, но я стеснялся даже взять их в школу. На Ленина никто не хотел меняться. Русские войска, расквартированные в районе варшавской Праги, — это тоже был отстой. Невыразительные лица, скрытые в тени фуражек. На фоне пражской гудящей толчеи, валютчиков и царящей там люмпен-анархии они выглядели, как заводные фигурки. Вроде бы они были символом присутствия чужой армии, но не несли в себе никакой мощи. Иногда это были азиаты. Я их потом встречал. 60-летние мужики в Азии вспоминали службу в Легнице и польских девушек. Говорили, что было здорово, жаль, мол, что это закончилось. Я жалею, что не видел этой «малой Москвы». Могла бы получиться отличная история о симбиозе поляков и русских.

— **Мы смеялись над ними. Они были героями анекдотов.**

— «Русский» — это было ругательство. Кто-то худший, достойный презрения. И несмотря на бедный репертуар кинотеатров, на русские фильмы мы не ходили, ни за что. И о русских автомобилях не мечтали. Плохо смотрелась эта Россия, навязывавшая нам Брежнева, значки с Лениным и скучные фильмы. Ничего другого у них не было. А в то же время, эти скука и хлам были результатом присутствия чего-то гораздо большего.

— **Вы думаете, что эти насмешки маскировали тревогу?**

— Взрослые, безусловно, лучше понимали, как устроен наш мир, и жизнь в тени России не могла оставить их равнодушными. Однако у нас дома о России вообще не говорили. За исключением воспоминаний деда о том, как во время войны он продавал им самогон. И рассказов матери, которая запомнила раскосых солдат русской пехоты, которые варили кур вместе с перьями, а на руках носили по трое часов. Революция — это был никакой не Маркс, указывающий миру путь, а опустившийся Тамерлан в погоне за домашней птицей и хронометрами.

До дня объявления военного положения я не ощущал никакого страха перед ней. Она стала реальной лишь в тюрьме, когда через радиоузел нам включили декрет о военном положении. Я боялся, что нас погрузят в вагоны и вывезут в Сибирь. Старая история — Сибирь, лагеря, проволока. Ну, а после выхода из тюрьмы именно Россия меня цивилизовала.

— **Как?**

— Я влюбился в наполовину русскую девушку из интеллигентной семьи. Воскресные обеды, беседы, накрытый скатертью стол и сопутствующий этому определенный церемониал. Мне кажется, что у нее я научился есть ножом и вилкой и узнал, что плодовое крепленое с винзавода в Окентье — это не вино в принципе.

— **У вас дома этого церемониала не было?**

— Было по-другому. Прошу не забывать, что я из крестьянской семьи. А, кроме того, я все же убегал из своего дома. Мне там чего-то не хватало.

— **Вы чувствовали себя деревенщиной?**

— Не совсем... Все же благодаря прочитанным книгам во мне была некоторая утонченность, так что совсем уж троглодитом я, пожалуй, не был. Однако, по сравнению с интеллигентным домом, это было некое варварство. В отсутствие ее родителей мы с приятелями опустошали их бар и устраивали в квартире бедлам, а ее мать, когда возвращалась домой, брала гитару и пела русские песни. У нее был прекрасный голос.

Так что с любовью, которая ворвалась в мою жизнь вместе с этой своей Россией, у меня исчезло презрение ко всему русскому. Ведь, с одной стороны Брежнев, а с другой — любовь. Легко выбрать.

— **Ну и эта их музыка... Кстати, этот Шнуров с «Ленинградом», которым вы меня сейчас мучаете — скорее, похабщина, чем лирическая меланхолия.**

— Да ладно, сразу похабщина. Поэзия с элементами социальной критики. Беру с собой в восточное путешествие.

— **Почему вы считаете, что у вас больше прав на этот Восток, чем у западноевропейских туристов?**

— Это мои страны, потому что я жил при коммунизме и, в каком-то смысле, чувствую себя там как дома. Я езжу туда, чтобы что-то узнать о себе, а для них это посткоммунистическое сафари. Они передвигаются караванами мощных внедорожников, которые потребляют на сто километров столько топлива, сколько эти люди зарабатывают в месяц. У моей тачки тоже был нехилый расход, согласен, но я чувствовал, что я там по другой причине.

— **Вы хотите сказать, что они ощущают свое цивилизационное превосходство над странами Востока?**

— Думаю, да. И это отдаляет меня от них. Конечно, люди имеют право ездить, куда хотят, но мне не нравится, когда кто-то без дела слоняется по моим странам.

— **Слоняется?**

— Они не совсем понимают, где находятся. Знаете, путеводители, в определенном смысле, оглушают так же эффективно, как телевидение. Я узурпирую право на эти страны, видимо, из тщеславия, но мне нравится воображать, что я все же открываю там что-то еще. Ну и, может быть, что я в большей степени их житель, чем эти высокие блондины, не говорящие по-русски. Я чувствовал по отношению к ним настоящее превосходство, потому что, в свою очередь, очень слабо говорю по-английски. Так что я, помогая им купить *картошку*